

САТИРИКОНЪ

1910

еженедѣльное изданіе

№ 22

III ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ—6 руб.; на полгода—3 руб.; на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп.

Контора и Редакция журнала „САТИРИКОНЪ“: Спб., Фонтанка № 80. Телеф. 324-62.

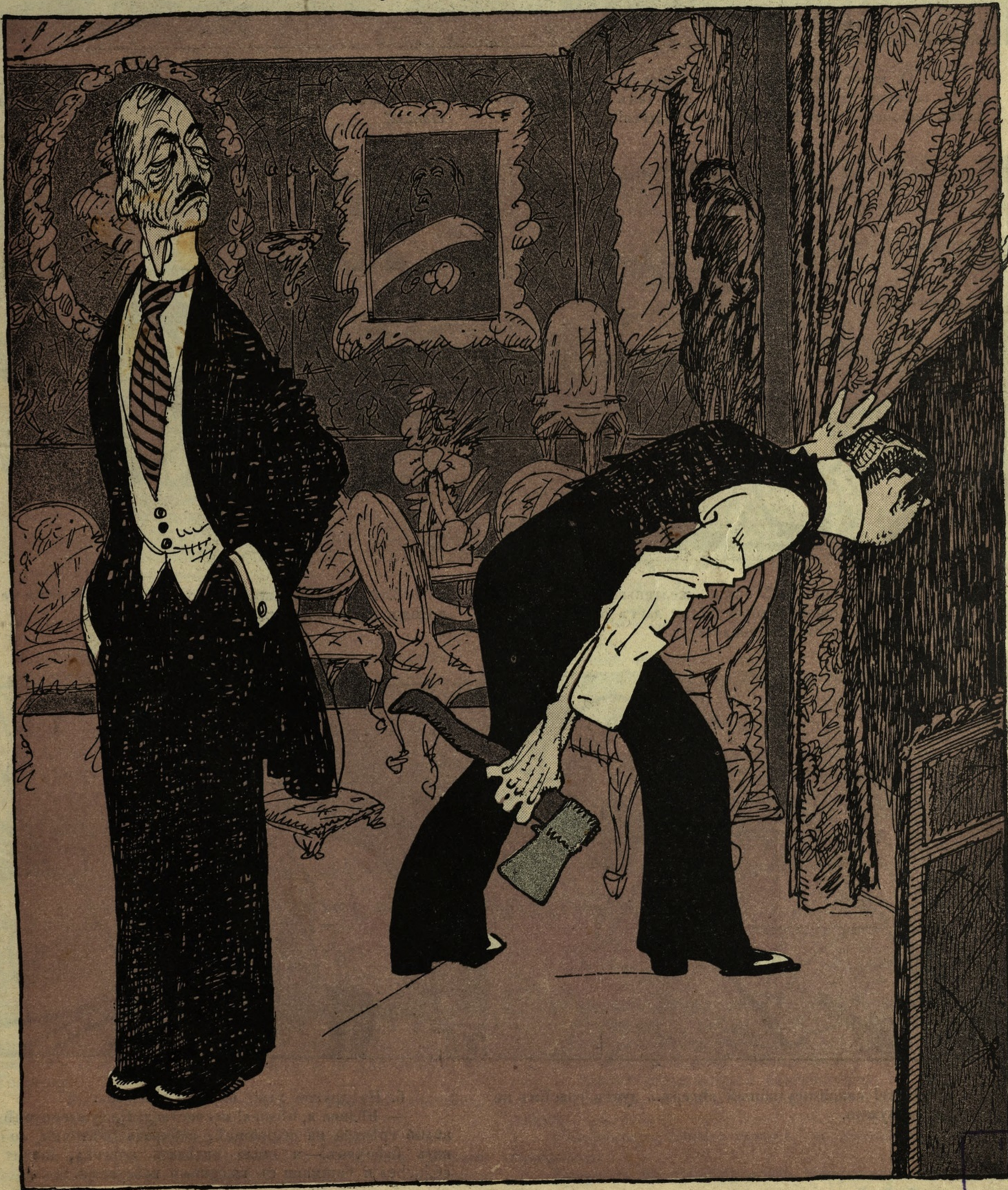
29 МАЯ 1910 г.

Новосиб. обл.
научная
библиотека

NOBLESSE OBLIGE.

Дѣло Гарновской, Хржановскаго, Бутурлина показало, какіе нравы царятъ среди нашей золотой молодежи.
(Изъ газетъ).

Рис. Ре-ми.

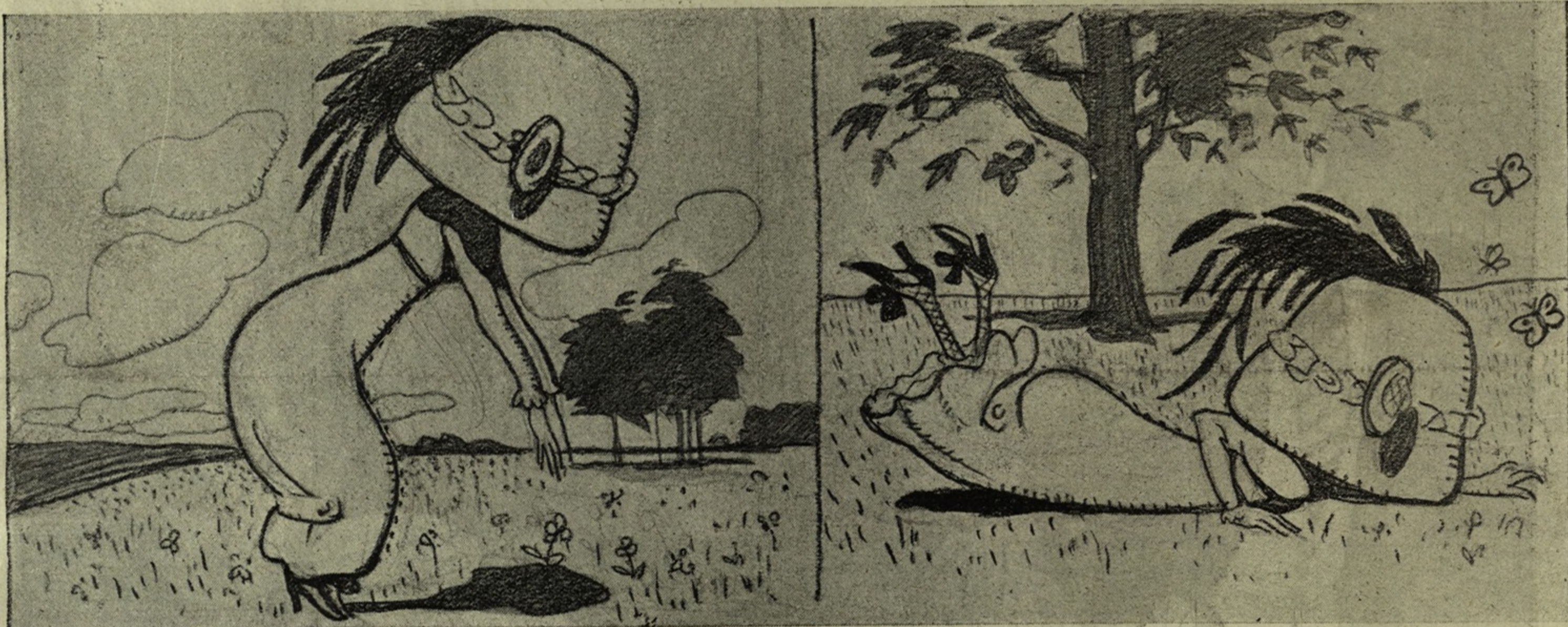
Новосиб. обл.
научная
библиотека

— Жоржъ, quelle horreur, подумай только, что ты дѣлаешь! ты, привыкшій къ шпагѣ и дуэльному пистолету отправляешь этого дурака на тотъ свѣтъ при помощи какого-то плебейскаго топора... Mais c'est affreux, мой бѣдный Жоржъ!

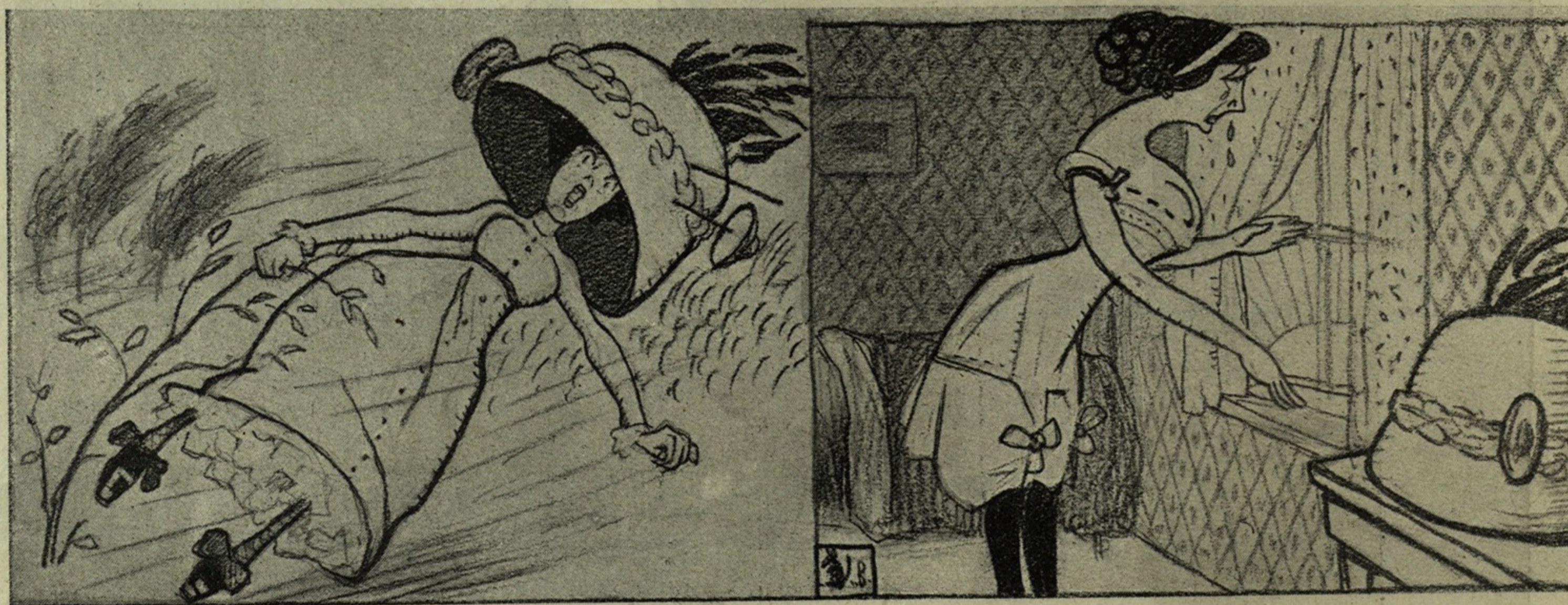
1. О! какое счастье! Я на дачѣ. Буду грѣться на солнышкѣ, собирать цвѣточки, ловить бабочекъ милыхъ, хорошихъ бабочекъ! Скорѣй, скорѣй одѣваться!

2. Я и не знала, что солнце на дачѣ такое высокое! Какъ же я теперь его увижу изъ подъ моей шляпы?

3. Ахъ цвѣточки, цвѣточки!.. желтенькіе, красненькіе. Фу... гадкій, нехорошій корсетъ, не даетъ нагнуться! пожди... можетъ цвѣточки подрастутъ!?

4. Ай, ай бабочки, какія хорошенькія—хотя и не похожи на катильонныхъ... ахъ каблукѣ!

5. Боже! какой неудобный вѣтеръ... дусть совсѣмъ не туда, куда нужно.

6. На другое утро дамочка плакала... — Бѣдная я, бѣдная! несчастная! Не суждено мнѣ видно грѣться на солнышкѣ, собирать цвѣточки, ловить бабочекъ!—и стала надѣвать корсетъ, шляпу «Cloche» и башмаки съ высокими каблукѣми.

БОЛЬНОМУ.

Есть горячее солнце, наивныя дѣти,
Драгоценная радость мелодій и книгъ.
Если нѣтъ—то вѣдь были, вѣдь были на свѣтѣ
И Бетховенъ и Пушкинъ и Гейне и Григъ...

Есть незримое творчество въ каждомъ мгновеньи —
Въ умномъ словѣ, въ улыбкѣ, въ сіяніи глазъ.
Будь творцомъ! Создай золотыя мгновенья.
Въ каждомъ днѣ есть раздумье и пріятный экстазъ...

Безконечно позорно въ припадкѣ печали
Добровольно исчезнуть, какъ тѣнь на стеклѣ.
Развѣ Новыя Встрѣчи уже отсіяли?
Развѣ только собаки живутъ на землѣ?

Если самъ я угрюмъ, какъ голландская сажа
(Улыбнись, улыбнись на сравненіе мое!) —
Это свойство печени моей и фиксажа,
Это Муза меня подняла на копые.

Подожди! Я сживусь со своимъ новосельемъ —
Какъ весенній скворецъ запою на копьѣ!
Оглушу твои уши цыганскимъ весельемъ!
Дай лишь срокъ разобраться въ проклятомъ тряпкѣ.

Оставайся! Такъ мало здѣсь чуткихъ и честныхъ...
Оставайся! Лишь въ нихъ оправданье земли.
Адресовъ я не знаю—ищи неизвѣстныхъ,
Какъ и ты неподвижно лежащихъ въ пыли.

Если лучшіе будутъ бросаться въ пролеты,
Скинетъ міръ отъ безкрылыхъ гienъ и тупицъ!
Полюби безотчетную радость полета...
Разверни свою душу до полныхъ границъ.

Будь женой или мужемъ, сестрой или братомъ,
Акушеркой, художникомъ, пѣнькой, врачомъ,
Отдавай—и дрожа не тянись за возвратомъ.
Всѣ сердца открываются этимъ ключемъ.

Есть еще острова одиночества мысли.
Будь уменъ и не бойся на нихъ отдыхать.
Тамъ обрывы надъ темной водою нависли —
Можешь думать и камешки въ воду бросать...

А вопросы... Вопросы не знаютъ отвѣта—
Налетятъ, разожгутъ и умчатся, какъ корь.
Соломонъ намъ оставилъ два мудрыхъ совѣта:
Убѣгай отъ тоски и съ глупцами не спорь.

Если самъ я угрюмъ, какъ голландская сажа,
(Улыбнись, улыбнись на сравненіе мое!) —
Это свойство печени моей и фиксажа,
Это Муза меня подняла на копые.

Сама Черный.

Отъ Главной Конторы журнала „Сатириконъ“.

Ввиду истечения срока подписки за вторую четверть года и первое полугодіе (1 Юля), главная контора «Сатирикона» покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой платежа и не внесшихъ еще платы за слѣдующую четверть года и второе полугодіе—озаботиться скорѣйшимъ взносомъ, во избѣжаніе задержки въ своевременной высылкѣ журнала.

АНЕКДОТЫ О ТОЛСТОМЪ.

Только лѣнивый теперь не рассказываетъ анекдотовъ о Толстомъ.

Сорокъ тысячъ репортеровъ каждый день рассказываютъ по сорокъ тысячъ анекдотовъ о великомъ писателѣ.

Вотъ нѣсколько анекдотовъ, которые намъ удалось запомнить.

I.

ТОЛСТОЙ, СМОРЧКИ и ГЕНЕРАЛЬ.

Однажды Левъ Николаевичъ ѣлъ сморчки.

Это замѣтилъ молодой генераль, жившій за тысячу верстъ отъ Ясной Поляны, и онъ немедленно поскакалъ (на чемъ скакалъ генераль, репортеръ не указываетъ) къ Толстому.

— Вы ѣдите сморчки?—спросилъ молодой генераль, влетѣвъ въ комнату.

— Да, ѣмъ!—кратко отвѣтилъ Толстой.

— Но вѣдь часъ тому назадъ несчастные сморчки были живы, ибо всякое растение живетъ. Они улыбаются небу, радовались глядя на своихъ сморченятъ...

Левъ Николаевичъ смутился.

— Что-же,—сказалъ онъ, покраснѣвъ:—Вѣдь сморчки старые и я старый. Сегодня я ихъ ѣлъ, а вчера они меня ѣли...

Молодой генераль вскипѣлъ.

— Вы знаете,—сказалъ онъ,—что вы, вегетеріанцы, самые страшные враги животныхъ.

— Что вы! Что вы!

— Я правду говорю. Сообразите сами. Черезъ сто лѣтъ всѣ, вѣроятно, будутъ вегетеріанцами. Тогда людей на земномъ шарѣ будетъ не меньше пяти миллиардовъ. Хватитъ-ли на всѣхъ сморчковъ?

— Не хватитъ!—съ грустью сказалъ Толстой.

— То-то! Истребятъ быстро салатъ, цвѣтную капусту, огурцы и поневолѣ придется ѣсть сѣно и овесъ. Такимъ образомъ мы ограбимъ животныхъ, и они умрутъ мучительной голодной смертью. Правда?

— Правда!

— Такъ не лучше ли сразу убить животное и съѣсть, чѣмъ замучить его голодомъ?

— Лучше!—согласился Толстой.

— Слѣдовательно, во имя любви къ животнымъ, ихъ нужно убивать.

Левъ Николаевичъ согласился, что изъ любви къ животнымъ, ихъ нужно убивать.

Въ тотъ же день нѣсколько интервьюеровъ, спасая свою жизнь, бѣжали изъ Ясной Поляны.

II.

ТОЛСТОЙ и АВТОМОБИЛЬ.

Совершая пѣшкомъ свою обычную утреннюю прогулку, Левъ Николаевичъ обогналъ автомобиль.

Сѣдоки, а также и шоферъ, увидѣвъ Льва Николаевича, стали просить его остановиться.

Великій писатель исполнилъ ихъ просьбу, остановился и сказалъ съ укоризной:

— У лошадей хлѣбъ отнимаете.

Сѣдоки смутились и покраснѣли. Левъ Николаевичъ замѣтилъ это и смягчился.

— Куда ѣдете?—спросилъ онъ ласково.

— Мы не ѣдемъ,—отвѣтили спрошенные:—у насъ гонки.

— Какія гонки?

— Гонки Петербургъ—Москва. Кто быстрее проѣдетъ до Москвы, тотъ возьметъ призъ. Мы пока находимся впереди всѣхъ.

Послѣ этихъ словъ шоферъ издалъ скверный звукъ и автомобиль рванулся съ мѣста и полетѣлъ.

Но не успѣлъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ налетѣлъ на бревно. Шоферъ, совершенно противъ своей воли, вылетѣлъ изъ автомобиля и сломалъ себѣ ногу.

Пассажировъ постигла та же участь.

Самъ автомобиль потерялъ сразу всѣ четыре колеса, кузовъ и еще какія-то мелочи.

Левъ Николаевичъ мягко замѣтилъ ѣхавшимъ на автомобильѣ:

— Этакъ вы можете отстать.

И легкой вегетеріанской походкой онъ бодро продолжалъ свою прогулку.

III.

ТОЛСТОЙ и ИНТЕРВЬЮЕРЪ.

Промучивъ 12 часовъ Софью Андреевну, 12 часовъ Татьяну Львовну и 12 часовъ Александру Львовну, интервьюеръ принялся за Льва Николаевича.

— Правда, что вы графъ?—спросилъ интервьюеръ.

— Правда!

— Правда, что вы носите блузу? Я хоть вижу это, но хотѣлъ-бы для вѣрности услышать это отъ васъ самихъ.

— Правда.

Такъ допрашивалъ онъ Льва Николаевича три дня и три ночи.

Четвертый день интервьюеръ началъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Правда, что вы проповѣдуете непротивленіе злу?

— Правда,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ. И добавилъ съ грустной улыбкой:

— У меня есть даже доказательства.

— Какія?—встрепенулся интервьюеръ.

— Вы еще до сихъ поръ не были спущены съ лѣстницы...

Интервьюеръ понялъ намекъ, но продолжалъ интервьюировать.

Выдумалъ по примѣру всѣхъ интервьюеровъ

О. Л. Д'оръ.

РЕЦИДИВИСТКИ.

- А кому первой пить?
- Манькѣ первой пить... она за эссенцией ходила.

О Б Щ Е С Т В О.

Хочешь—не хочешь рассказывай. Промолчишь—все равно будетъ известно, никакъ не отвертись.

А было это совсѣмъ недавно, надо сознаться, вечеромъ, подъ заборомъ, въ туманѣ.

Гдѣ и собраться, какъ не въ сказкѣ Фуфырѣ, Растопырѣ, Кикиморѣ, Мымрѣ и Блямбѣ! Въ иныхъ мѣстахъ не дозволено.

Несмотря ни на что женщины почтенныя, хотя безъ родовъ и безъ племени, совсѣмъ старыя дѣвы: оттого и разговоръ объ обществѣ затѣяли.

Фуфыра была женщина маленькая въ большомъ кринолинѣ; носъ въ электрическую кнопку; губы серебрятся, какъ двѣ кильки; голова рыжая, а на ней бантъ зеленый—совсѣмъ ананасъ; остальное все подъ кринолиномъ скрыто, только двѣ калоши виднѣются; глаза въ гривенникѣ: каждый въ серебряный пяточекъ.

Растопыра—тощая, острая и сухая; въ платьѣ реформъ запеленалась; глаза—пьявками; голова—букетомъ; носъ—скобкой; на верхней губѣ черный пухъ; волосы зеленой водоросли; ноги—циркулемъ.

Кикимора старше всѣхъ: голова брюквой, по лицу ручьи протекають, носъ рѣдкой, глаза морковками, животъ тыквой, ноги, руки сучьями. Совсѣмъ вегетарианка.

Мымра—въ сарафанѣ трехъ цвѣтовъ, въ кокошникѣ, изукрашенномъ бутылочнымъ стекломъ, въ глазахъ по осколку, грудь на выпятѣ, ноги колесомъ. Такъ и поровить по трамвайнымъ рельсамъ пробхаться, чтобы за билетъ пяточекъ не платить. Руки изъ резины; вмѣсто глазъ по сушеной воблѣ воткнуто во впадины, а вся истинно русская: говорить не можетъ, а только мычить—«мы-ста».

Блямба—та скороспѣлка. Почему-то съ турнюромъ, и на всѣ вопросы отвѣтами безъ запинки брякаетъ; носъ утиный, расплоснутый; глаза рачьи; губы выпучены, зубы вытаснены, голова—флюгеромъ, руки ноги въ перьяхъ всѣ.

Правдой обмолвиться—несуразныя всѣ, но зато неуловимы. Нѣтъ для нихъ черты осѣдлости, нѣтъ предѣловъ досягаемости, нѣтъ разъясненія сенатскаго: собирайся подъ всѣми заборами, говори въ туманѣ, о чемъ хочется!

Сѣли, вычихались, облизнулись, залопотали по своему: — Давайте думу думать, чѣмъ слоны слонять, давайте пересуды судить, ряды рядить, тары бары растабарывать, огородъ городить, порѣшимъ, что есть общество.

Фуфыра нажала носъ, какъ электрическую кнопку и задрезжала:

— Общество, это когда одни дѣлятъ, другіе глядятъ, одни сидятъ, другіе смотрятъ, одни управляютъ, другіе созерцаютъ. Тѣ, что съ раскрытыми ртами и въ глазахъ растерянность, тѣ и суть—общество.

Растопыра ноги развернула, пальцемъ на лбу точку поставила и проржавила:

— Общество отъ глагола общипывать. Это, когда всѣ каждаго общипываютъ и нѣкоторые всѣхъ. Вотъ и все.

Сдвинула ноги иголкой и воткнулась въ землю по шею, такъ что голова букетомъ подъ заборомъ расцвѣла.

Кикимора сочнымъ и сладкимъ тономъ булькнула:

— Сказать по-человѣчески — общество начинается нулемъ и кончается нулемъ. И начало и конецъ буква о... И выходитъ ооо!.. Отсюда же—охъ, вздохъ, плохъ, сдохъ...

Зашмурыгала носомъ, тыквой на землю легла.

Мымра упрямо и настойчиво промычала:

— Общество—это мы!..

И прокатилась бесплатно по коночнымъ рельсамъ.

Блямба перья взерошила, головой завертѣла, и губами, какъ въ бубень ударила—брякнула:

— Общество—это когда пути сообщенія общія; какъ напримѣръ: трамвай, Нарымскій край, проституція, телеграфный столбъ и городской...

Чихнули, облизнулись и влились въ туманъ, грязью хлюпнули.

Только и осталось, что мочалы клокъ — мыринъ шиньонъ. Пьяный дворникъ Пафнугій его нашель и начисто грязь на новыхъ калошахъ размазалъ.

Дѣти и взрослые, не выходите подъ заборъ, не найти вамъ ни впереди ни вдали Фуфыры, Растопыры, Кикиморы, Мымры и Блямбы.

Всѣ онѣ—женщины вздорныя, всѣ онѣ—сказка русская нелѣпая, выдумка послѣдняя.

Я бы ихъ не разыскивалъ, я бы ихъ не подслушивалъ, да спросить больше не у кого: что есть русское общество?..

Все живое молкомъ молчитъ, все заиндѣвѣло, пушкомъ, снѣжкомъ, порошкомъ обомшилось, заporошилось. Завершилось.

Только въ сказкѣ и осталось русское общество, да и то изъ четырехъ бабъ несуразныхъ безъ родовъ и безъ племени съ именами обветшалыми... съ разговорами правдивыми.

Полярный.

СНЫ

(РУДОЛЬФА АЛЕКСАНДРА ШРЕДЕРА).

Сегодня ночью я видѣлъ сонъ.

Я находился въ чудномъ паркѣ,
Тамъ были розы, піоны, тюльпаны,
Тамъ были клумбы, боскеты, фонтаны,
Три дамы ждали меня у арки.
Когда-жъ подошелъ я со шляпой въ рукѣ,
Одна повернулась на каблукѣ
И ушла въ липовую бесѣдку.
Вторая, оправивъ нарядъ,
Метнула мнѣ взглядъ
О ушла въ буковую бесѣдку.
Оставшись съ третьей вдвоемъ
Я пошелъ съ ней прямымъ путемъ
Въ розовую бесѣдку.
Надъ нами былъ мраморъ
Deus Amor.

Сегодня ночью я видѣлъ сонъ.

Пришло трое черныхъ мужчинъ
Разогнать мнѣ визитомъ сплнѣ.
Они сказали, что я прохвость,
Что я никому ненужный наростъ
Уходи, мошь, вонь!—Но я самъ
Наклялъ всѣмъ прочимъ по шеямъ.

Сегодня ночью я видѣлъ сонъ.

Я видѣлъ трехъ павиановъ
У нихъ было много плановъ:
Они чесались,
Они искались,
И дѣлали много такого,
Для чего не подыщешь слова.
Я имъ сказалъ: Павианы!
Не мѣшайте мнѣ спать, болваны!

Я только что видѣлъ сонъ.

Мнѣ снилось... Но слушать вѣчно
Меня вы не въ силахъ, конечно,
И я кончаю безъ промедленій
Исторію своихъ сновидѣній.

Потемкинъ.

Рис. А. Р.

Нѣкій кавалеръ, амурныхъ утѣхъ отъ красоты добиваясь, говорилъ такъ:

— Будучи опьяненъ страстной любовью къ вамъ, жду отъ васъ исполненія утѣхъ амурныхъ, а въ противномъ случаѣ,—воды рѣчки нашей будутъ мнѣ преждевременной могилой.

Но дѣвица, засмѣявшись звонко, отвѣтствовала такъ:

— Не пугайте меня, кавалеръ мой, ибо и дѣтямъ известно, что пьяному даже море по колѣна, какъ же, кавалеръ мой въ рѣчкѣ утопиться грозитесь?

Будучи узавленъ такимъ отвѣтомъ, кавалеръ очень дивился острословію возлюбленной своей.

Рис. А. Я.

НЕЗАМѢТНЫЙ ПОДВИГЪ.

I.

ХРИСТИАНИНЪ.

Толпа:—Вотъ герой, вотъ храбрецъ!
Не побоялся и спасъ своего брата!
Скорѣй поди обогрѣйся, обсушись...

— Сейчасъ, господа хорошие, только вотъ получу
долгу съ этого шарлатана 3 рубля, долженъ онъ мнѣ...

НА СОБАЧЬЕЙ ВЫСТАВКѢ.

(знатоки).

— Гм... Эта такса была бы ничего себѣ, если бы не такое
длинное туловище!

Посѣтитель передъ породистой борзой:

— Чертъ возьми! Удивительно рѣдкій и уродливый экземпляръ
мопса!

Ф.

Я приближался къ городу Калиткину—цѣли моего
путешествія, И по мѣрѣ моего приближенія—я начиналъ
интересоваться имъ, городомъ Калиткинымъ.

За шесть станцій до Калиткина я спросилъ одного
изъ сосѣдей по вагону:

— Вы знаете городъ Калиткинъ? Что въ немъ нахо-
дится замѣчательнаго? Есть ли тамъ какіе либо памятники,
музеи, красивые виды?

— Доподлинно вамъ не могу сказать,—поразмысливъ
немного, отвѣчалъ сосѣдь.—Кажется, что тамъ нѣтъ ни
музеевъ, ни памятниковъ. Знаю только одно,—что тамъ
живетъ знаменитый гражданинъ.

— Какой гражданинъ?

— Доподлинно вамъ не могу сказать. Ни имени его
не упомянулъ, ни причины его извѣстности.. Знаю только,
что очень знаменитый.

За три станцій до Калиткина я, заинтересованный,
обратился къ другому сосѣду:

— Вы не знаете, что это за знаменитый гражданинъ,
живущій въ Калиткинѣ?

— Знаю. Θεоктистъ Иванычъ Барабановъ.

— Да? А чѣмъ же онъ, извините меня за безпокой-
ство, знаменитъ?

— Точно не могу вамъ сказать. Знаю только, что
онъ Барабановъ, человекъ чрезвычайно знаменитый. Даже
за предѣлами Калиткина.

За одну станцію до Калиткина я присталъ съ раз-
спросами къ третьему пассажиру.

— Кто такой Барабановъ?

— Θεоктистъ Иванычъ? Онъ же спасъ Россію.

— Неслыханно! Какъ же это онъ сдѣлалъ?

— Доподлинно я этого не знаю. Извѣстно только,
что...

Поѣздъ споткнулся и остановился. Это былъ городъ
Калиткинъ—мѣсто пребыванія загаднаго, знаменитаго
гражданина Барабанова, спасаго Россію.

Я выскочилъ изъ вагона, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ
въ гостиницу, самую лучшую въ городѣ. Она же была и
средняя гостиница и самая худшая въ городѣ, потому
что была она единственная во всемъ Калиткинѣ.

Умывшись въ номерѣ, я позвалъ хозяина гостиницы
и, полный лихорадочнаго интереса къ знаменитому гражда-
нину, спросилъ:

— Барабанова знаете?

— Господи!!!

— Онъ спасъ Россію?

— А какже!

— Какъ же онъ ее спасъ?

— Отъ нѣмцевъ—вотъ какъ.

— Отъ какихъ нѣмцевъ?

— Отъ войны съ Германіей онъ ее спасъ—вотъ отъ
чего!

— Какъ же онъ это сдѣлалъ?

— Доподлинно не скажу, но что онъ ее спасъ—такъ
ужъ будьте покойны. Ужъ это вѣрно. Весь городъ знаетъ
объ этомъ.

— Да онъ чѣмъ былъ въ то время, когда спасалъ
Россію? Посланникомъ, что ли?

— Нѣтъ, не посланникомъ.

— Министромъ?! Королемъ дружественной державы?!!!

— Барабановъ? Уѣзднымъ землемѣромъ онъ былъ въ
то время, Барабановъ.

— Чудеса! Ступайте.

Хозяинъ, съ гордымъ самодовольнымъ выраженіемъ
лица, вышелъ изъ номера, а я, наскоро одѣвшись и раз-
спросивъ дорогу въ клубъ, послѣдовалъ за нимъ.

Въ клубѣ мнѣ необходимо было видѣть нѣсколькихъ
лицъ, а, кромѣ того, я надѣялся выяснитъ, наконецъ, пол-
ную таинственности и загадокъ исторію землемѣра Бара-
банова...

II.

Старшина записывалъ меня въ какую то книгу, а я
въ это время, горя нетерпѣніемъ, спросилъ его:

— Кто Барабановъ?

— Онъ? Спасъ Россію.

Къ этому подвигу Барабанова въ Калиткинѣ, оче-
видно, всѣ привыкли и говорили о немъ безъ тѣни волне-
нія и радости. Старшина сказалъ эту великую громопо-
добную фразу такимъ хладнокровнымъ тономъ, какимъ
сообщаютъ:

— А я только что выпилъ рюмку водки.

Человѣкъ быстро со всѣмъ свыкается. Я увѣренъ,

что современники и знакомые Пушкина говорили о немъ, приблизительно, въ такомъ тонѣ:

— А Саша опять какую то штуковину написалъ. Не помню, какъ она называется... «Борисъ Годуновъ», что-ли.

Слуга великаго Гоголя чистилъ каждый день сапоги барину безо всякаго душевнаго трепета и даже (о, я хорошо знаю слугъ) частенько поплеывалъ на эту существенную часть туалета творца «Мертвыхъ душъ». Ему, бѣднягѣ, и въ голову не приходило, что его барину, въ концѣ концовъ, поставятъ на каждой свободной площади по памятнику.

Я возразилъ старшинѣ:

— Спасъ то онъ спасъ. Я уже слышалъ объ этомъ. Но какъ?

— Онъ? Онъ предотвратилъ войну между Германіей и Россіей. А въ тотъ годъ эта война была бы гибельна для Россіи. Не знаю даже, остались ли бы мы съ вами живы.

— Что же онъ сдѣлалъ для этого?! — съ легкой нервностью въ голосѣ воскликнулъ я.

— Сдѣлалъ? Онъ чего то, именно, и не сдѣлалъ. Не сдѣлалъ чего то такого, что,—если бы было имъ сдѣлано—повело бы за собой ужасную войну съ Германіей... Согласитесь сами, что, въ этомъ случаѣ, — сдѣлалъ, не сдѣлалъ—одно и то же!

— Какъ же вы сами не знаете, что это такое ужасное, чего Барабановъ не сдѣлалъ или что это героическое—что имъ было продѣлано?

Старшина развелъ руками.

— Да онъ самъ рѣдко объ этомъ рассказываетъ. А я слышалъ отъ другихъ.

— Гдѣ Барабановъ?—отрывисто спросилъ я.

— Онъ сейчасъ здѣсь, въ клубѣ. Сидитъ въ читальнѣ. Онъ теперь почти не выходитъ оттуда. Читаетъ въ газетахъ политическія извѣстія и изучаетъ по какимъ то книгамъ исторію народовъ. О войнахъ какихъ то читаетъ. За-мѣ-ча-тель-ный человекъ!!

Я не могъ больше выдержать. Я пошелъ къ Барабанову.

III.

Передо мной сидѣлъ въ низенькомъ креслѣ немолодой человекъ въ черныхъ очкахъ, съ блѣднымъ истощеннымъ лицомъ, и внимательно читалъ толстую большую книгу.

Я, съ весьма понятнымъ чувствомъ волненія и почти-тельности разсматривалъ его, этого новаго Ивана Сусанина, сидѣвшаго такъ скромно и незамѣтно въ читальнѣ маленькаго провинціального клуба, вмѣсто того, чтобы гремѣть въ столицѣ, быть осыпаннымъ деньгами, почестями и орденами...

Передо мной сидѣлъ человекъ, спасшій Россію—громадную страну, одна губернія которой, по площади, больше всей Франціи и Итали!

Я приблизился къ креслу и прерывающимся отъ волненія голосомъ спросилъ:

— Барабановъ?..

— Я Барабановъ, — сказалъ знаменитый землемѣръ, опуская книгу.—Здравствуйте. Что такое?

— Меня интересуеетъ одинъ вопросъ...—переступивъ съ ноги-на-ногу, смущенно началъ я.—Какимъ образомъ вы спасли Россію? Объ этомъ всѣ говорятъ, трубятъ весь городъ, но какъ это сдѣлано—никто толкомъ не знаетъ.

Барабановъ положилъ книгу на столъ и тихо отвѣчалъ:

— Да, я спасъ Россію.

— Это такъ... поразительно... Что я бы хотѣлъ... по-подробнѣе...

— О! это длинная исторія... Въ краткихъ словахъ она такова: я сдѣлалъ одинъ шагъ, который предотвратилъ кровопролитную войну между Германіей и Россіей,—совершенно тогда не подготовленной и потерпѣвшей бы, навѣрное, рядъ страшныхъ поражений вплоть до полного паденія и разрушенія великаго государства...

— И вы сдѣлали въ предотвращеніе этого одинъ только шагъ?! Какой же это шагъ?! Что это за святой, гениальный, проникновенный шагъ?

Землемѣръ Барабановъ скромно улыбнулся.

— Съ перваго взгляда—шагъ этотъ очень простой: двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, пятаго сентября я не поѣхалъ въ Петербургъ, хотя и собирался туда. Не знаю—что меня толкнуло, но я не поѣхалъ. Могъ бы поѣхать, даже долженъ былъ поѣхать—но не поѣхалъ!

Я оглянулся. Насъ окружало до двадцати человекъ именитыхъ гражданъ Калиткина, постепенно набравшихся въ читальню и слушавшихъ теперь нашъ разговоръ съ рѣдкимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ.

— Вы не поѣхали въ Петербургъ!..—пораженный, воскликнулъ я.—А чтобы было если бы вы туда поѣхали?!

— Что? А я вамъ скажу—что. У меня тамъ живетъ зять Дудукаевъ—человекъ крайне любопытный, горячій и вспыльчивый. Я, признаться, къ нему и ѣхалъ. Ну-съ... А вы знаете, милостивый государь, что какъ разъ въ то же время въ Петербургъ пріѣзжалъ германскій кронпринцъ, съ цѣлью нанести нашему Государю визитъ и ознакомиться съ Россіей? Знаете ли вы объ этомъ?

Горя нетерпѣніемъ, я машинально отвѣтилъ:

— Знаю. Что же дальше?

— Дальше? А дальше было бы вотъ что... Какъ я вамъ уже сказалъ—зять мой Дудукаевъ, былъ человекъ истерически любопытный и грубо, до потери сознания, вспыльчивымъ. Кроме того, былъ онъ близорукъ. Если бы я въ то время пріѣхалъ въ Питеръ—онъ обязательно потащилъ бы меня смотрѣть кронпринца и, конечно, по своей близорукости, лѣзъ бы въ самую гущу толпы, поближе къ кронпринцу... Конечно, полицейскіе, видя его странную настойчивость и стремительность, отпихнули бы его, онъ, не стерпѣвши, далъ бы кому нибудь въ ухо и, конечно, произошла бы грандіознѣйшая свалка, въ самомъ центрѣ которой оказался бы ничего не подозревавшій кронпринцъ.

Вы знаете, господа, что во время драки дерущіеся не разбираютъ ни сана, ни положенія человека и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ—кронпринцу влетѣло бы больше всѣхъ! Остальное понятно. Возгорѣлся бы крупный международный конфликтъ, а такъ какъ въ то время русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ человекъ бездарный, безтактный напыщенный и грубый,—ненавистникъ нѣмцевъ,—то дѣло немедленно получило бы страшный для Россіи оборотъ. Министръ вовлекъ бы Россію въ пагубную для нея войну, и я не знаю...

Барабановъ обвелъ толпу калиткинцевъ задумчивымъ взоромъ:

— ...И я не знаю—многіе ли, среди присутствующихъ, были бы сейчасъ живыми и здоровыми.

— Да здравствуетъ Барабановъ!—крикнула толпа.

IV.

Пораженный, не знающій, что подумать, стоялъ я передъ землемѣромъ и смотрѣлъ ему прямо въ глаза:

— И это все сдѣлали вы?!

— Конечно. Подумайте, если бы я поѣхалъ въ Петербургъ...

— Чертъ возьми! воскликнулъ я.—А чѣмъ же вы докажете, что все это было бы такъ, если бы вы пріѣхали. Барабановъ прищурился.

— А чѣмъ вы докажете, что этого бы не было?

Одинъ изъ калиткинскихъ дураковъ подошелъ къ Барабанову и ободряюще похлопалъ его по плечу.

— Правильно, Барабановъ! Подъ это уже не под-копаешься.

— Да,—сказалъ кто-то сзади.—Это ужъ, какъ по писанному.

Я видѣлъ ясно, что Барабановъ дурачить меня и всѣхъ присутствующихъ. Но какъ я могъ уличить его во лжи? Вѣдь онъ говорилъ то, что могло бы быть...

Я хотѣлъ повернуться и уйти, но неожиданная, прекрасная мысль удержала меня на мѣстѣ.

— Да... Пожалуй, вы, дѣйствительно, спасли Россію...

А скажите: что же удержало васъ отъ поѣздки въ Петербургъ? Неужели, только предчувствіе? Или еще что нибудь было?

Не замѣчая той страшной западни, которую я ему готовлю, Барабановъ простодушно отвѣчалъ:

— Отчасти, предчувствіе, а, главнымъ образомъ, то, что я не получилъ отъ матери изъ Кіева ожидаемыхъ денегъ. Она въ то время попала нечаянно подъ какой то экипажъ, сломала руку и лежала въ больницѣ, почему и не могла выслать денегъ.

— Стойте!—торжествуяше закричалъ я.—Такъ это, выходитъ, не вы спасли Россію, а я!

— Почему?!—Закричали всѣ, придвигаясь ближе.

— Да потому, что я и есть тотъ самый человекъ, экипажъ котораго наѣхалъ на вашу матушку.

— При чемъ же здѣсь Россія?—презрительно усмѣхнулся Барабановъ.

— При чемъ?! А при томъ, что если бы я не наѣхалъ на вашу матушку, она выслала бы вамъ деньги, а вы бы потащились въ Петербургъ и устроили бы тамъ міровой скандалъ. Значитъ, я и спасъ Россію—нашу великую, любимую, прекрасную родину!!

— Пойдите!—крикнулъ сзади тотъ человекъ, къ которому я и прѣхалъ по дѣлу.—Пойдите! Выходить, что и не онъ даже спасъ Россію, а я. Я къ нему тогда собирался въ Кіевъ, но не поѣхалъ. А если бы поѣхалъ—онъ, навѣрное, не раздавилъ бы матери Барабанова. Не поѣхалъ же я потому, что гулялъ на свадьбѣ дочери Бумагина.

Бумагинъ былъ тутъ же. Онъ ударилъ себя въ грудь и сказалъ:

— Значитъ, не ты спасъ Россію, а я. Дочь то вѣдь моя!

— Значитъ, она и спасла ее!—сказалъ кто то сзади.

— Нѣтъ женихъ! Если бы онъ не женился...

— Причемъ здѣсь женихъ... Тетка его, послѣ смерти...

— Значитъ, тетка...!

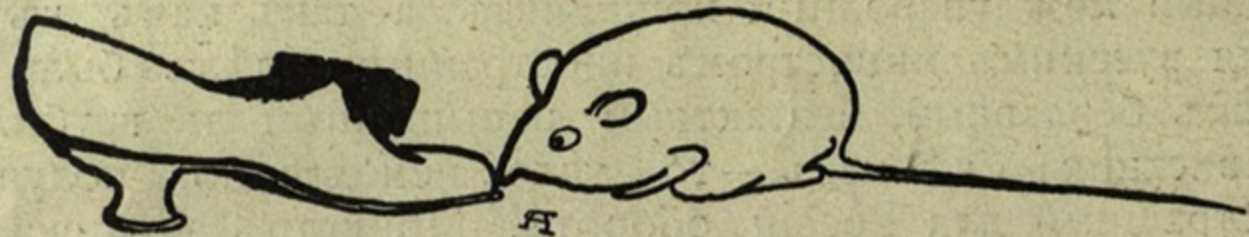
Поднялся страшный крикъ и споръ.

Черезъ полчаса выяснилось, что Россію спасла та русская, неграмотная баба, служанка тетки жениха, которая вкатила несчастной теткѣ двойную, смертельную дозу какого то лекарства.

Тутъ же рѣшили выдѣлить изъ среды калиткинцевъ депутацію—съ порученіемъ розыскать эту служанку и принести ей благодарность за спасеніе Россіи,

Когда ее отыскали—она оказалась существомъ исключительной скромности: она даже не знала о совершенномъ ею подвигѣ—спасеніи отъ гибели великой прекрасной, дорогой каждому изъ насъ, родины!

Аркадій Аверченко.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ „САТИРИКОНА“.

Присланныя въ редакцію рукописи не возвращаются (даже при условіи присылки марки на отвѣтъ).

А. Петербургъ.

105. Петербургъ.—Геликонову.—Г-нъ Геликоновъ дѣлаетъ большое и нужное дѣло:

И поэтъ бречу своей Пегасой
И ничего не желаю и не хочу,
Произвожу свои стихи массой,
А объ остальномъ молчу.

Очень недурно, но развѣ вамъ неизвѣстно, что «Пегаса» совѣмъ не струнный инструментъ, а духовой.

106. Петербургъ.—Г. То—ко.—240 строкъ стиховъ о взятіи Портъ-Артура, о Стесселѣ и д. д., знаете это ужъ немножко устарѣло, напишите, что нибудь болѣе злободневное, ну хоть объ открытіи первой Государственной Думы.

107. Петербургъ.—Г. М. З.—Миньютюрку присылайте.

Б. Провинція.

108. Москва.—Тыквѣ.—Очень грубо. Зачѣмъ вы такъ рабски подражаете письму г. Рѣпина въ «Бир. Вѣд.». Будьте оригинальны.

109. Въ пространство.—Блуждающему.—О такомъ маленькомъ насѣкомомъ, какъ блоха, вы написали громадное стихотвореніе. Боже! какими колоссальными шагами идетъ впередъ техника. Теперь ужъ и изъ блохи стали слона дѣлать.

110. Варшава.—Г. Ку-ку.—Растянуто и тема устарѣла.

111. Въ пространство.—Г. Кн—еву.—Дядя Сарай (?) пошелъ. «На подножномъ корму»—нѣтъ.

А. Р.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.
Издатель: М. Г. Корнфельдъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

САТИРИКОНЪ 52

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.)

№№ роскошно
иллюстриро-
ванныхъ, въ
краскахъ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ, ВЪ ВИДѢ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ, РОСКОШНО
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“

ОБРАБОТАННАЯ «САТИРИКОНОМЪ», ПОДЪ УГЛОМЪ ЕГО ЗРѢНІЯ, — ПОДЪ РЕД. А. Т. АВЕРЧЕНКО.

«ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ» будетъ представлять собой большой томъ, художественно отпечатанный на хорошей бумагѣ, съ массой иллюстрацій лучшихъ русскихъ художниковъ-карикатуристовъ.

Хотя наша «Всеобщая исторія» и не будетъ рекомендована Ученымъ Комитетомъ, состоящ. при м-вѣ народн. просвѣщ., — какъ руководство для учебныхъ заведеній, но эта книга дастъ подписчикамъ единственный случай взглянуть на историческое прошлое народовъ — въ совершенно новомъ и вполне оригинальномъ освѣщеніи.

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Олафъ Гульбрансонъ (Мюнхенъ), М. Добужинскій, Б. Кустодіевъ, Е. Лансере, Миссъ, Дм. Митрохинъ, В. Невскій А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), О. Шарлемань, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и другіе.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко. (Аве), А. Азовъ, К. Антиповъ (А. Зарницынъ), Александръ Блокъ, И. М. Василевскій (не Буква), Л. М. Василевскій, Б. Вилли, Яковъ Годинъ, Сергій Горный, Сергій Городецкій (Сатиръ), И. Гуревичъ, Осипъ Дымовъ, А. Измайловъ, В. Князевъ, Красный, М. Кузминъ, А. Кугель (Номо Новис), А. И. Купринъ, В. Лихачевъ, К. Р. Милль (Полярный), О. Л. Д'Орѣ, Иванъ Кузьм. Прутковъ, Потемкинъ, А. Радаковъ, Саша Черный, Александръ Рославлевъ, Скиталецъ (Яковлевъ), В. Сладкопѣвцевъ, графъ Алексѣй Толстой, Тэффи, Георгій Чулковъ, Н. Шебуевъ, Умановъ-Каплуновскій, Н. И. Фалѣевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Яблоновскій и другіе.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ **6** руб., на полгода **3** руб., на 3 мѣс. **1** руб. **50** коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала «САТИРИКОНЪ» (С.-Петербургъ, Фонтанка, 80) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и провинціи.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ 40 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛИ ВЪ 1/4 СТРАНИЦЫ

ЦѢНА ОТДѢЛНАГО № 10 КОП. ВЪ ПРОВИНЦІИ 12 КОП.

ОТДѢЛЕНИЕ ДЛЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ ВЪ ПРОВИНЦІИ:

Москва—Шведчиковъ. Одесса—Бороховъ. Варшава—Е. А. Морозовъ. Ново-Вилейскъ—Горсковъ. Томскъ—Т-во «Новое Дѣло. Рига—К. И. Бирсгалъ. Саратовъ—П. Ф. Панинъ. Ялта—Ивановъ. Иркутскъ—Т. Д. Хохаевъ. Кутаисъ—Квициридзе. Таганрогъ—Г. С. Половикъ. Владивостокъ—Аг. «Полюза». Черниговъ—М. Н. Кранцъ. Юрьевъ—Ф. Д. Любликъ. Харбинъ—Ш. Т. Щелоковъ. Благовѣщенскъ—Н. С. Смертинъ.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ № 324-62.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

ТОЛЬКО...

Дачникъ.—Знаешь, милая, это очень мнѣ напоминает мою ловлю крабовъ на пляжѣ въ Биаррицѣ... недостаетъ только красивыхъ женщинъ въ купальныхъ костюмахъ.

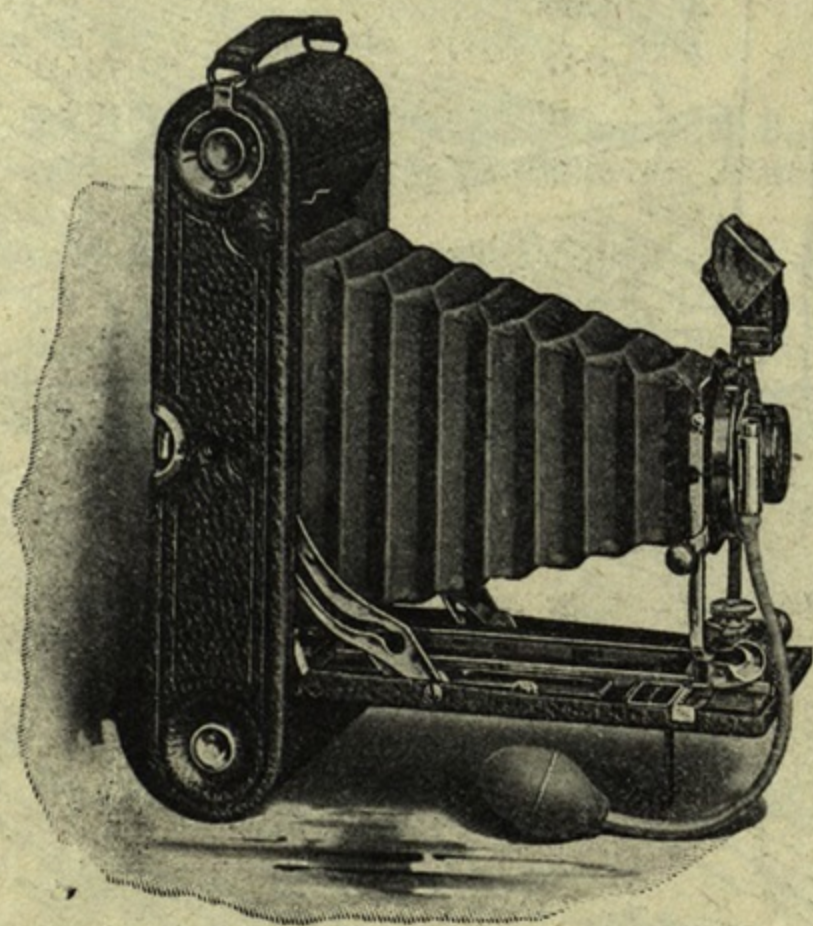

СКЛАДНЫЕ КАРМАННЫЕ КОДАКИ

наиболѣе распространенныя

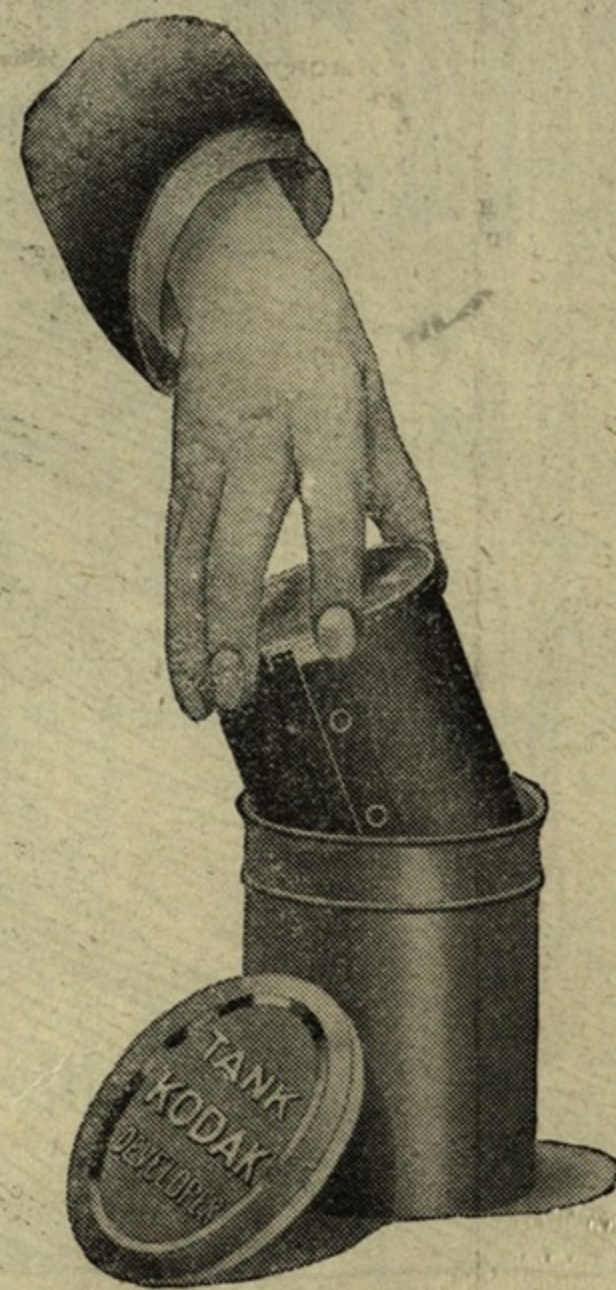
ВО ВСЕМЪ СВѢТѢ

ручныя камеры, изготовляются семи размѣровъ и трехъ различныхъ типовъ. Приведенная здѣсь иллюстрація изображаетъ слѣдующіе аппараты:

Не покупайте поддѣлокъ, такъ какъ онѣ представляютъ собою лишь слабыя попытки къ подражанію нашимъ аппаратамъ.

		для снимковъ			
№ 1 _а	Спец.	7	× 11	сант.	Р. 32.—
№ 3		8	× 10 ¹ / ₂	„ „	38.—
№ 3 _а		8	× 14	„ „	50.—
№ 4		10	× 12 ¹ / ₂	„ „	50.—
№ 4 _а		10 ¹ / ₂	× 16 ¹ / ₂	„ „	75.—

Проявляйте при дневномъ свѣтѣ.

АКЦИОНЕРНАЯ КОМПАНИЯ КОДАКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Конюшенная, № 19.
МОСКВА, Петровка, №№ 15 и 16.

ДЪТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА АЛЬПИНА

СИНЯЯ МАРКА и ПОДПИСЬ ГЛАВН. ПРЕДСТАВ. С.П.Б. ГОРОХОВАЯ 33

ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕК. МАГАЗ.
Александровъ Вильгельмъ

Если желаете дитя ваше

видѣть здоровымъ, бодрымъ и хорошо развивающимся, то дайте ему Гематогенъ Д-ра Гоммеля. **ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ!** Требуите непременно имя Д-ра Гоммеля.

ZEISS
БИНОКЛИ
 для охоты, спорта и путешествія.
 Большое поле зрѣнія.
 Сильная свѣтосила.
 Проспекты Т. 73.
 Высылаются бесплатно.
КАРЛЪ ЦЕЙССЪ,
 С.-Петербургъ, Казанская, 2,
 и въ оптическихъ и фотографическихъ магазинахъ.

СОВЕРШ. БЕСПЛАТНО
 высыл. всѣмъ желающ. каталогъ
Э. Кинкманъ и К^о.
 Спб., Гороховая 17.

Золотая медаль
 императорскаго общества охоты
 Парижъ—Grand-Prix.
 Лондонъ—Grand-Prix.

ОХОТНИЧЬЯ ОБУВЬ

непроницаемая кожаная и брезентовая.
 Поставщикъ Императорскаго Общества охоты
Т. С. Привезенцева, МОСКВА,
 Покровка 4-14.
 Прейсъ-курантъ высылается безпл.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

2-ое ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ:

СКРИПИЧНАЯ ТЕХНИКА

и ея развитіе въ школѣ проф. Л. С. АУЭРА.

Съ предисловіемъ проф. Ауэра къ 1-му изданію.

Составилъ **И. ЛЕСМАНЪ.**

цѣна 1 руб.

Желающихъ получить книжку франко по почтѣ—просить выслать по адресу автора одинъ рубль (можно марками): Кабинетская 20, кв. 12.

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СУЩЕСТВОВАНІЕ

или **ПОВОЧНЫЙ ДОХОДЪ**
 посредст. легк. и прост. фабрикац. доходи. и въ кажд. домѣ необх. предм. съ малѣйш. затрат. Особ. знан. и болш. помѣщ. не треб.
 Илл. просп. № 4 и усл. безп.
 Адр: **И. Я. МАРКЪ** г. Ливава, Курл. губ.

ПАРИЖСКІЕ СНИМКИ СЪ НАТУРЫ.

Только оригиналы, высылаетъ каждому интересн. прейсъ-курантъ, въ закрытомъ конвертѣ, по полученіи 7 коп. марки.

Адресъ:

„ФОТОССЪ“
 г. ЛОДЗЬ, Центральная.

НОВАЯ КНИГА „БЫСТРОЕ ИЗЛЧЕНИЕ

триппера, сифилиса и полового безилія“
 Лечебникъ секретныхъ болѣзней д-ра медиц. В. Тарновича. Масса рисунковъ и РЕЦЕПТЫ лекарствъ. Цѣна съ пер. 1 р. 25 к. (марками), нал. плат. 1 р 50 к.
 С.-Петербургъ; Невскій, 108, Т-во „Основа“

СУДОРИН ОТ ПОТА

ног, рук и т. д., прѣнія, запаха пота, в жестянках
С СИТКОМ, 45 к.
 Дѣйствуетъ въ 1 день.
 Отличное средство аптекаря Ковальскаго, Варшава, Граничная 10, высылаемое в Париж, Лондон, Нью-Йорк. Требов. вездѣ. Пересылка отъ 2—9 жестян. 50 к.

О перемѣнѣ адреса подписчиковъ журнала САТИРИКОНЪ

При перемѣнѣ адреса необходимо прислать прежній бандерольный адресъ, безъ чего перемѣна адреса очень затруднительна.

За перемѣну адреса взимается: съ иногородняго на городской или съ городского на иногородній—50 коп., съ городского на городской—25 к. и съ иногородняго на иногородній—25 коп.

ПОСЛОВИЦЫ и ПОГОВОРКИ.

Семь разъ сватайся—одинъ женишь.
 Подсаживайся въ чужія сани—дальше будешь.
 Тотъ не поэтъ, кто Чуковскимъ не отпѣтъ.

ПРИ ВСТРѢЧѢ.

— Давно, давно не видались. Сколько—съ тѣхъ поръ воды утекло!
 -- Воды ли?

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:

САША ЧЕРНЫЙ

„САТИРЫ“

Изданіе М. Г. Корнфельда.

Цѣна 1 рубль.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и провинціи и на станціяхъ желѣзн. дорогъ.—Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.—Выписывающіе наложеннымъ платежемъ, платятъ на 20 коп. дороже.

Главн. складъ изданія: Спб., Фонтанка, 80 Контора журнала «Сатириконъ».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ на ежедневную политическую газету

5-й годъ изданія **РЪЧЬ** 5-й годъ изданія издаваемой въ С.-Петербургѣ **В. Д. Набоковымъ и И. И. Петрункевичемъ** при ближайшемъ участіи **П. Н. Милокова и І. В. Гессена** и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Особое вниманіе обращено на отдѣлъ извѣстій изъ провинціи. (имѣется болѣе ста корреспондентовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи: на годъ—12 р.—к. на 9 м.—9 р.—к. на 6 м.—6 р.—к. на 5 м.—5 р. 10 к. 4 м.—4 р. 15 к. 3 м.—3 р. 15 к. 2 м.—2 р. 15 к. 1 мѣс. 1 ру. 10 к. За границу: на годъ—20 р.—к. 9 м. 15 р. 75 к. 6 м. 11 „—, 5 м.—9 р. 50 к. 4 м.—7 р. 75 к. 3 м.—6 р. „—, 2 м.—4 р. „—, 1 м.—2 р.

Льготная подписка (при непосредств. обращеніи въ главную контору):
 1) Для сельскихъ священниковъ, учителей, крестьянъ, рабочихъ, фельдшеровъ, приказчиковъ, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к.
 2) Служащимъ въ правит., обществен. и торгово-промыш. учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ казначеевъ и дѣлопроизвод. — 10% скидки.
 3) Книгопродавцамъ, кіоскамъ, агентамъ и др. посредникамъ по приему подписки—5% скидки.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб. Ул. Жуковскаго 21. №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія высылаются бесплатно.

КОРСЕТЫ

Последнія новости

Новѣйшихъ изящныхъ фасоновъ
 Последнія Модели Парижа.

Корсеты „Пластикъ“ Вязаные
 Дающіе чудную пластическую фигуру.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ,
 ГРУДОДЕРЖАТЕЛИ,
 СЕНТЮРЫ,
 НАБРЮШНИКИ.

Телефонъ
238-40

С.П.Б. ФАБРИКИ **МАРКУСА ЗАКСА**
 ЛИТЕЙНЫЙ 45 ПРОТИВЪ БАССЕЙНОЙ
 ПОДРОБНЫЯ БРОШЮРЫ ПО ТРЕБОВАНІЮ

Дамы

употребившія хоть одинъ разъ

ПАТЬ НИППОНЪ

увѣряютъ, что лучшаго средства для достиженія красоты и молодости

НЕ СУЩЕСТВУЕТЪ.

ПУДРА, МЫЛО и КРИСТАЛЛЫ НИППОНЪ
 за короткое время тоже завоевали общую **СИМПАТІЮ ДАМЪ.**

Продается во всѣхъ аптек. и парфюм. магаз. и у Т-ва „НИППОНЪ“, Невскій пр., д. № 110.—8. Брошюра знаменитой японки Ионачивара Масакадо „Отчего я такъ красива и молода“, высылается **БЕСПЛАТНО.**

7/29/48
3-78

1906 г.
Бюрократъ.—О, многоуважаемый Г-нъ Муромцевъ, теперь, когда судьба вознесла васъ такъ высоко, вы будете сильной и смѣлой рукой держать руль, я буду указывать дорогу по компасу... и, да здравствуетъ единение и работа!

1910 г.
Бюрократъ.—О, многоуважаемый Г-нъ Гучковъ! теперь, когда судьба вознесла васъ такъ высоко, надѣюсь, что вы будете сильной и смѣлой рукой держать руль... да-съ! Гучковъ:—А что компасъ показываетъ?
Бюрократъ:—Это не компасъ,—часы. Смотрю, не пора ли завтракать?

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА ВЪ ТАВРИЧЕСКОМЪ САДУ.

Первый думскій приставъ.—А если и на эту приманку депутата не поймаешь?
Второй думскій приставъ.—Тогда придется кричать, что Пуришкевичъ опять въ Милюкова стаканомъ пустилъ.